

УДК 141.333+177.3+122+129

**СОСТОЯНИЕ ПОСТМОДЕРНА:
СИНГУЛЯРНОСТЬ БЫТИЯ, ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СОЗНАНИЯ
И ВИРУСЫ ТОТАЛИТАРНЫХ ИДЕЙ**

Пилюгина Е.В.

В статье исследуются ключевые аспекты современной социальной действительности (общества постмодерна): сингулярность бытия, транспарентность сознания и панмифологизация реальности – распространение мифологем как тоталитарных идей.

Ключевые слова: сингулярность, транспарентность, панмифологизация, миф, мифологема, симулякр, импlosion, тоталитарная идея.

**THE POSTMODERN CONDITION: SINGULARITY OF BEING
TRANSPARENCY OF CONSCIOUSNESS
AND VIRUSES OF TOTALITARIAN IDEAS**

Pilyugina E.V.

The article examines key aspects of contemporary social reality (postmodern society): singularity of existence, transparency of consciousness and pan-mythologizing of reality – spreading of mythologems as totalitarian ideas.

Keywords: singularity, transparency, pan-mythologizing, myth, mifologema, simulacrum, implosion, totalitarian idea.

Сегодня мир находится в том зыбком текучем состоянии, которое, вслед за А. Тойнби и Ж.-Ф. Лиотаром, мы называем «состоянием постмодерна», понимая под постмодерном, с одной стороны, определенную историческую и социальную данность, эпоху (Тойнби [11]), а, с другой, содержание этой эпохи, выражающуюся в обозначенных Лиотаром принципах коммуникативной прозрачности, идейном распаде («недоверию к метанарративам») и меркантилизации знания [8].

Выдающиеся французские философы, продолжатели лиотаровских взглядов на современную социальную действительность, сформулировали концепцию настоящего, обозначив его ключевые признаки: непрерывная деконструкция реальности (Ж. Деррида [8]), симуляция реальности и состояние имплозии – взрыва, обращенного внутрь (Ж. Бодрийяр [3]), в результате чего социальная жизнь приобретает вид непрерывного хаотичного полилогического производства виртуальных образов («ветвлений реальности»), непредсказуемым образом активизирующихся, воплощающихся в действительности – ризомы (Ж. Делез [6]).

В процессе актуализации этих явлений сформировалось общество, сосредоточенное на самом себе, единственной целью которого является распространение и активизация самого себя, социальности как таковой, уже не «для чего-то», а потому что по-другому невозможно.

Ключевым инструментом сверхсоциализации реальности стала информация. Благодаря масштабному развитию информационных средств и технологий организуется все более независимая от других сфер общества информационная среда. Если в эпоху модерна социальная среда включала информационную, а на заре постмодерна информационная и социальная среды, фактически, стали эквивалентны, то сегодня, в период «развитого постмодерна», информационная среда подчиняет себе социальную действительность, диктуя обществу в целом и его отдельным составляющим способы, формы, образы социального поведения. Ж. Бодрийяр называет такие образы симулякрами [12]. Современный мир – мир непрерывного производства симулякров, вызванных к жизни переизбытком и инфляцией информации.

Гипертрофия социального и перепроизводство информации привели к тому, что современный человек и социум не просто оторваны от естественного, природного; сегодня мы все отчуждены от реальности как таковой. Само понятие реальности стало размытым и неопределенным. Мир оказался в обволакивающей сознание, препарирующей ментальность, медийной зависимости, выражающейся в тотальном распространении и повсеместном

влиянии навязанных СМИ идей-мифологем. Масс-медиа теперь не только одна из властей, но единственная реальная власть. Вирусный характер распространяемых СМИ идей, не всегда и не обязательно подкрепленных фактологически, способствует панмифологизации реальности и формированию социальных субъектов с какими угодно заданными параметрами.

При этом следует подчеркнуть, что современный мир сложен, разнообразен, диверсифицирован на различные культуры и социальные системы. Далеко не все составляющие современной цивилизации могут быть в полной мере маркированы как «постмодерновые»; более того, такая маркировка вовсе не всегда означает одно и то же, так как характеристика постмодерна включает множество как основных, так и дополнительных параметров, вероятных, но не обязательных; произвольной является и их взаимосвязь, иерархия.

Полагая, что ключевым признаком постмодерна является практика препарирования информационной средой социальной среды, в результате чего происходит панмифологизация действительности и распространение идей, претендующих на тотальное влияние, сосредоточимся на условиях, обеспечивающих этот процесс. Таких условий два.

Сингулярность бытия.

Общество постмодерна – это общество распада. Но, как ни странно, – об этом свидетельствует вся наша жизнь – существование возможно и в распадающемся состоянии, причем неожиданно длительное. Такое состояние «на пределе» Ж.Л. Нанси обозначает как «непрерывное прерывание», или сингулярность. Глубокий анализ принципа сингулярности представил Ж.Делез в «Логике смысла»; под сингулярностью французский философ понимает содержание всех модальностей бытия, всех сигнификаций, не сводимое к личностному или индивидуальному, но определяющее личностное и индивидуальное, «поворотные пункты и точки сгибов» («складки»), «узлы, преддверия, центры, точки плавления, конденсации и кипения, точки слез и

смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности» [5, с. 80].

Подчеркивая, что сингулярности актуально аконцептуальны, но потенциально содержат в себе все возможные значения, настоящие, прошлые и будущие, даже если они взаимно противоречивы и не очевидно взаимосвязаны, Ж. Делез определяет современный мир как мир производства сингулярностей. Любое ветвление такой социальной реальности не лучше и не хуже других, любое возможно – как любая клетка организма вдруг может начать делиться, превращаясь в раковую, подминая под себя весь организм, или напротив, становясь своеобразной «полезной бактерией» и спасая социальный организм. При этом, сингулярность не есть бессознательность и не сводится к сознанию; скорее, это процесс означивания бессознательных и подсознательных импульсов, перевод этих импульсов в пространство сознания, придания им значений. Какие это будут значения – можно только прогнозировать. В самом общем смысле, сингулярность – процесс непрерывного производства непредсказуемых значений, подчиняющийся, тем не менее, определенным правилам – правилам нонсенса. Такие правила, по Делезу, следующие:

- сингулярность воплощается и выражается в событиях [5, с. 144];
- «сингулярности способны к само-воссоединению, процесс которого всегда подвижен и смещается по мере того, как парадоксальный элемент пробегает серии и вынуждает их резонировать» [5, с. 145];
- «сингулярности распределяются в собственно проблематическом поле» [5, с. 151] – резонируют только не схожие смыслы, не тождественные значения, способные вступить в «странный дискурс» друг с другом;

Индивид, личность, сообщество сингулярны, потому что способны на дискурс, под которым понимается даже не диалог, а полилог, - но не самих субъектов, а тех значений, которые содержат в себе и могут проецировать субъекты. Утверждая современную действительность как сингулярность и совокупность сингулярностей, Делез определяет ведущую роль значений в осуществлении такой действительности: бытие есть производство смысла

бытия, бесконечное ветвление множества смыслов [5, с. 135], в результате чего изначально «пустое место» начинает вдруг циркулировать, а доиндивидуальные и безличные сингулярности «говорить», выражая себя через «говорение», коммуницировать друг с другом [5, с. 106, 111].

Развивая идеи Делеза, Л.Ж.Нанси называет эту способностей сингулярностей к коммуникации «открытостью связи несвязности», в результате чего достигается обращенность сингулярных субъектов друг к другу [9, с. 92]. Под «открытостью» понимается готовность к отношениям, но не сами отношения. Для пояснения принципа «связи несвязности» Нанси использует образ людей, оказавшихся случайными попутчиками в купе: «Между ними нет никаких отношений. Но они равным образом составляют совокупность в качестве пассажиров данного поезда, пребывающих в одном пространстве и в одно время. Они находятся в промежутке между объединенностью «толпы» и связностью «группы», будучи ежесекундно близки к превращению в одну или в другую». Подобная «приостановленность» и составляет принцип события (как со-бытия) «в качестве отношения без отношения, т.е. одновременной открытости, как отношению, так и отсутствию такового» [9, с. 92].

При этом подчеркивается, что в качестве сингулярных субъектов может выступать не только индивид или социальная группа, общность, но и социальный институт, и собственно социальный дискурс, – все то, что способно принимать, производить, транслировать значения. Нанси, как и Делез, связывает сингулярность с событийностью: факты и явления приобретают характер событий постольку, поскольку способны производить значения, каждое из которых – сингулярное, не окончательное. Представление о процессуальности («сериальности») значений также роднит взгляды Нанси и Делеза. Но если для Делеза идеальным событием-сингулярностью является нонсенс, как тот абсолютно белый цвет, который в себе потенциально и одновременно содержит все цвета, то у Нанси сингулярность – состояние, скорее, «черное», катастрофическое, «предельное», состояние вынужденного обращения, поворота одной сингулярности к другой, или даже того, что

предшествует «повороту», – когда еще не «лицом к лицу», а только «разглядывание» [9, с. 91].

Тем не менее, некоторые общие концептуальные подходы к феномену сингулярности обоих французских философов и дальнейший анализ сингулярных субъектов позволяют выделить их следующие признаки.

В социальном измерении сингулярностью может быть как индивид, так и общность, и даже отдельное проявление социальной жизни. Трансформация социальных элементов в социальные сингулярности происходит посредством их взаимодействия; способом бытия сингулярности является резонансная связь: суть не в самих сингулярностях, а в их связи, интеракции. При этом, сингулярность никогда не является конечным элементом, включая и включаясь в другие сингулярности, составляя конфронтации, или, напротив, синергию с другими сингулярностями. Между сингулярностями не существует иерархии: каждая может, как раковая клетка или вирус, вдруг заполнить собой все социальное пространство и также мгновенно раствориться, но не исчезнуть окончательно. Сингулярности актуализируются и осуществляются в процессе перехода, трансгрессии – индивидуального в социальное, виртуального в реальное, истины в ложь и обратно. Сингулярности предстают как события, источники и результаты событий; «событийность» и «сингулярность» – соизмеримые и реверсивные понятия. Сингулярности имеют волновой (сериальный), а не корпускулярный характер, то есть, существуют до тех пор, пока развиваются: бессмысленно говорить о событиях прошлого, которые не связаны, не отражаются в настоящем или не проецируются в будущее.

Сингулярности диверсифицируют пространство, но время стягивают в одну точку, сворачивая прошлое, настоящее и будущее, а потом, снова разворачивая, но уже в другом соотношении; время сингулярности – это непрерывная реверсия прошлого-настоящего-будущего, это темпоральность в духе «ленты Мебиуса», где любая временная характеристика не проявляется, а обозначается, нередко произвольно. Стянутый в точку бытия мир тут же распадается на бесконечное (реальное и потенциальное) многообразие и

разнообразие элементов, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой (или представляется) не менее значимой и активной сингулярностью. Не менее, а может и более, так как в таком непрерывно меняющемся сингулярном пространстве отдельные его составляющие связываются произвольно, порождая новые неожиданные сингулярности, обладающие свойством «захватывать», поглощать часть или даже все пространство.

Сингулярности имеют знаковую форму; существуют ли они в действительности – не актуальный вопрос; сингулярности существуют постольку, поскольку осознается их существование (как внутри, так и вовне) в виде определенного сочетания знаков.

Таким образом, сингулярный мир не субстанционального характера, но монадного, если мы под монадой понимаем не некую устойчивую целостность (корпускулу, «атом» бытия), а непрерывно распадающуюся, взрывающуюся изнутри, вспыхивающую и в момент вспышки осуществляющуюся реальность («фотон» бытия). Имплотация – способ реализации заложенных в сингулярности значений, непрерывное состояние точечных взрывов, порой латентных, порой актуализирующихся в действительности, но это взрывы значений, трансгрессия одних значений в другие, конструирование и деконструирование новых значений, – и новых сингулярностей, имманентных этим значениям. Поэтому сингулярности не трансцендентны, но претендуют на трансцендентность. Сингулярный мир – это не просто мир одиночных (вещей, субъектов, значений), а динамичная система одиночных (вещей, субъектов, значений) и связей между ними.

Может возникнуть ощущение, что сингулярный мир хаотичный, но это не совсем так. В этом мире присутствует своя логика, хотя это не аристотелевская логика, исходящая из возможности существования одной мыслимой последовательности в единицу времени. Это мультилогика, предполагающая наложение одной последовательности (значимой «картинки») на другую, с другими исходными данными, в результате чего одновременно актуализируются несколько последовательностей. Но, так как человеческое

восприятие и сознание в единицу времени выборочно ориентировано (сознание как способность направлять внимание на вещи и выделять их из совокупности), каждая мыслимая последовательность актуализируется фрагментарно. Сингулярный мир – мир коллажа, где фрагменты коллажа – довольно устойчивые исходные данные (аттракторы), произвольной является лишь их связь. Это хаосмос (согласно Делезу), в котором действуют определенные правила конструирования, реконструирования и деконструирования событий. Это «порядок внутри беспорядка» (по Бодрийяру) [3, с. 30], самоуправляющийся хаос.

События предстают как актуализация сингулярностей. Именно в призме событий сингулярности распознаются, активируются. Активизация сингулярностей в событиях осуществляется через производство социальных мифологем, приобретающих сегодня вид тоталитарных идей. Мифологемы программируют социальную жизнь, наполняя ее определенными значениями, обеспечивая сущность социального как такового в ситуации тотального сингулярного бытия. Фактически, современные мифологемы – это устойчивые системы определенных значений, обеспечивающие значимость определенных событий и превращения фактов и явлений в события. В этом плане наиболее яркой практической реализацией сингулярного мира является Интернет-пространство. Сингулярности – отдельные потребители и создатели, а также, сайты и блоги, социальные сети, все участники киберпространства. Социальные мифологемы же выполняют роль ключевых программ, «браузеров» социально-информативной среды. Но для эффективной реализации программ-мифологем необходимо соблюдение еще одного условия.

Транспарентное сознание.

Анализируя современное состояние общества, Ж. Бодрийяр дает меткое определение этого состояния: «после оргии», понимая под «оргией» «каждый взрывной момент в современном мире, момент освобождения в какой бы то ни было сфере» [3, с. 3]. В данном случае речь идет о максимальной реализации сущностного свойства человека – революционного стремления к преодолению

всякой ограничивающей данности, будь это данность природы или любая другая. Это свойство, как блестяще показали классики немецкой философской мысли, заложено в недрах человеческого сознания – «чистого разума» как Абсолютного духа, способного не зависеть апостериори от реальности, но создавать априорные установки как фундаментальные принципы бытия (И. Кант, Г. Гегель). Отсюда краеугольное: «царство разума есть царство свободы».

Открытие Фрейдом бессознательного способствовало обнаружению еще одной плоскости свободы в недрах человеческой психики – свободы бессознательного. Далее структурализм, постструктурализм и постмодернизм пытались нащупать некие основания реверсии свободы / каузальности как сознания, так и бессознательного, постепенно отказываясь от априорной каузальности в пользу априорной свободы.

Современная ситуация – ситуация реализации практически абсолютной свободы, одновременно свободы разума и свободы бессознательного. Но такая «перемноженная» свобода (духа) способна производить на свет семантических «монстров» – логически-рациональные, обоснованные и убедительные построения, возведенные в степень бессознательного и приобретшие вид почти безумных навязчивых идей и мифологем.

Едва ли не самый яркий пример современности – сегодняшняя, связанная с украинским кризисом, информационная война. И едва ли не самая наибольшая «странность» в этом кризисе – то, насколько легким оказалось массовое идеологическое «зомбирование», образованных, информационно подготовленных, свободно мыслящих (или представляющих себя таковыми) людей. Не тяжелее, чем, скажем, было в 1917 году идеологизация полуграмотного населения Российской империи. Как представляется, здесь дело не только в логике «массового общества», критикуемого в свое время экзистенциалистами, или коллективных бессознательных архетипах, о которых писал К.Юнг. Очевидно, что современный человек, в отличие от героя начала XX века, значительно более информированный и индивидуалистичный, с более развитым личностным сознанием, жизненным восприятием, представлениями о

внутренней и внешней свободе. С точки зрения модернистского восприятия действительности ситуация выглядит необъяснимой, ведь для того, чтобы внушить взрослому человеку, воспитанному в духе интеллектуальной свободы и гражданской ответственности, какие-либо идеи, надо совершенно очистить его сознание от всего предыдущего жизненного опыта, что по определению, казалось невозможным.

Но современная эпоха постмодерна обнаружила эффективный способ «обнуления» сознания: тотальная свобода информации. Современное общество – общество пропагандируемой тотальной информационной прозрачности, транспарентности. Такое состояние свободы, возведенной в бесконечность, стирающей любые границы, как естественные, так и искусственные, расчищающей пространство человеческого бытия от любых ограничений, Жан Бодрийяр и называет «оргия свободы». Так как отныне нет никаких границ, то и не может быть никаких тайн: абсолютная информационная свобода делает социальное бытие абсолютно прозрачным. На протяжении всей эпохи модерна, и особенно, интенсивно, в XX веке, Запад, а потом и все человечество интенсивно стремилось к освобождению – «освобождению политического и сексуального, освобождению сил производительных и разрушительных, освобождению женщины и ребенка, освобождению бессознательных импульсов, освобождению искусства. Сегодня игра окончена – все освобождено. И все мы задаем себе главный вопрос: что делать теперь, после оргии?» [3, с. 3].

Ведь если глобальная цель – реализация свободы духа (представляемая как, прежде всего, свобода информации и коммуникации) достигнута, а развитие продолжается, то начинается производство сверхцелей, сверхреальности, гиперсвободы. Свободный разум становится свободен от всего, включая реальность, и начинает «свою игру» – игру с реальностью. Это игра, которой нет конца, которую не игроки выбирают, а она втягивает потенциальных игроков: игра знаками и символами. Именно такую игру описывает Льюис Кэрролл в своей знаменитой «Алисе в Зазеркалье»: бег по

кругу, где каждый начинает, когда вздумается, останавливается, когда захочет; где мячами и клюшками могут стать какие угодно субъекты и объекты (а потом поменяться), где свернутые петлей ворота (правила и установки) непрерывно перемещаются с одного конца игрового поля в другой. А Ж. Делез подтверждает: это есть «идеальная игра» – «без правил, без победителей и побежденных, без ответственности, игра невинности, бег по кругу, где сноровка и случай больше не различимы» [5, с. 89]. Это не реальность, а игра в реальность, игра идей.

Но, если свободна сама игра, свободна даже от реальности, о какой еще свободе (личностной, социальной) тогда можно говорить? Отныне все: пол и власть, производство и потребление, семья и вера – это всего лишь контент произвольных знаков.

Границы социального – это ценности и критерии самого социального. Гиперсвобода размывает ценности, порождает «диффузию ценностей» [3, с. 4]. Истинность в прописной истине, права в правовом обществе, демократические принципы демократии – тотальное распространение и абсолютизация самых значимых на сегодня знаков человеческой и социальной жизни трансформирует общество в одиозный «Замок», описанный Ф. Кафкой, причем таким образом, что у самого общества нет никаких шансов заметить подобную трансформацию, ведь как можно распознать «прозрачное на прозрачном»? И если еще какие-то границы остались (как правило, в тех социальных средах, в которых в силу исторической судьбы или определенных свойств, например, этнических, экономических, тяжелее шел процесс информационного развития / освобождения) – смысл современной социальной реальности сводится к преодолению этих границ.

Свобода стала вирусом. Вирус свободы проник в социальную жизнь как таковую, уничтожив ее естественный иммунитет к несвободе. В результате, именно в тех обществах (речь идет, прежде всего, о западной цивилизации), где достигнута наибольшая свобода самовыражения – свободы самовыражения уже нет; там, где задекларированы максимально широкие права человека, там же

они чаще всего игнорируются; там, где масс-медиа обеспечили наибольшую прозрачность социальной жизни («правду»), там же и наименьшее доверие к этой «правде». Чем больше социальности в жизни человека, тем более разрушительно желание уничтожить социальность, усиливая и без того сингулярное бытие (многочисленные случаи «внезапного» превращения добропорядочного социально адаптированного гражданина в девианта в самых цивилизованных культурах). Отсюда так называемая практика «двойных стандартов»: суть вовсе не в том, что некоторые масс-медиа, политики и общественные деятели намеренно лгут; суть в том, что они *больше не замечают собственной лжи*.

Отсюда, всеобщий нигилизм, неверие в общество как таковое, его инструменты и принципы, глубокое убеждение рядового обывателя, что «все врут». «Сегодняшний нигилизм, отмечает Ж. Бодрийяр – это нигилизм прозрачности, и в определенной степени он более радикальный и решительный, чем его предыдущие исторические формы...» [4, с. 90].

В условиях сингулярного бытия, отличающегося непредсказуемостью и динамикой, транспарентное, «обнуленное», сознание само по себе уже не способно создавать жизненные ориентиры. Человек как бы оказывается в состоянии невесомости в белой комнате: понять, где «верх», где «низ» невозможно. И здесь достаточно какому-то яркому пятну, чтобы сознание «зацепило», потому что «нам нужен зримый континуум, зримый миф» [4, с. 8] как ориентир. Таким зримым «пятном» на фоне стерильно «правовой», информативно прозрачной и духовно гиперсвободной действительности может стать, в принципе, любой социально значимый образ, любой социальный миф, обернутый в привлекательную, красочную знаковую «обертку».

Панмифологизация реальности и распространение тоталитарных идей.

Знаки – лишь символические образы реальности; вся совокупность знаков напоминают калейдоскоп: при каждом «встряхивании» – новая картинка и новая «реальность». Сингулярные идеи фрагментарны, как пазлы, только все вместе создают картину мира. Но идея, представленная фрагментарно, теряет

принципиальную целостность, становится описанным Бодрийяром фракталом [3, с. 23], где бесконечно курсируют, сталкиваются, резонируют отдельные обрывки множества идей. В результате, идея вступает в противоречие с самой собой, но при этом не уничтожает себя, а, напротив, приобретает некоторую псевдо устойчивость. Конструкция напоминает вращающийся на острие мяч, причем, чем динамичнее вращение (смена знаков и их интеракция), тем большая «устойчивость» «мяча»-идеи. Такие псевдоцельные идеи, представляющие собой фрагментарную множественность и воплощающие сингулярное социальное бытие постмодерна, предстают как современные социальные мифы – мифологемы. Постмодерн – эпоха панмифологизация реальности.

Мифологемы – императивные тоталитарные идеи с мифологизированным содержанием, программирующие социальное поведение (группы, индивида); отличаются особой социальной навязчивостью. Фактически, это род неврозов современного общества.

Следует отличать современные мифологемы от старых традиционных мифов. Традиционные мифы отражали исключительно реальность – реальную природу или реальные исторические факты. Отсюда известные мифы о потопе, об умирающем и воскресающем боге, о войнах богов (то есть, племен, поклонявшимся разным богам). Мифологемы ничего не отражают, но, напротив, формируют реальность. Традиционный миф отличался синкретизмом, образной целостностью; современные социальные мифологемы – фрагментарные множественности, ни о какой целостности в них речь не идет, только о некоем пазловом соединении. Традиционный миф, являясь, по сути, результатом народного творчества, коллективного авторства нарождающейся культуры, не персонифицирован, апеллирует, прежде всего, к позитивным чувствам и эмоциональным проявлениям, способным обеспечить единение, и, значит, выживание сообщества; это первая попытка осознания единства, социальности как таковой. Традиционные мифы архетипичны, воплощают,

прежде всего, коллективное бессознательное, но в то же время, обеспечивают перевод чувственного восприятия на «язык разума».

Современные мифологемы – сознательно сконструированные посредством знаков образы социальной реальности, обладают вполне конкретным авторством, хотя, большей частью, имеют множество авторов. Множественность авторов мифологем часто создает иллюзорную ситуацию «смерти автора»: автором мифологем могут выступать не только индивиды, а определенные сплоченные социальные группы; авторство также может сознательно нивелироваться, скрываться, приписываться другому социальному субъекту; более того, «автором» мифологемы может быть симулякр или даже другая мифологема. Поэтому мифологема всегда персонифицирована, но не всегда возможно установить ее реальное авторство.

Мифы отражают единение с миром (природы, общества), общее; современные социальные мифологемы фиксируют и усиливают разъединение, отличное, это результат производства общества распада, их задача не обеспечить единство социальной среды, а усиливать и транслировать сингулярность. Поэтому, мифологемы, большей частью, активизируют негативные чувства и переживания, глубинный внутренний конфликт современного человека с самим собой, с обществом, конфликт сознания и бессознательного. Или, по мысли Ж. Бодрийяра, с помощью инструмента мифологемы «мы имеем дело с переводом зла в несчастье, а несчастья в рыночную или зрелищную ценность, — переводом, который чаще всего осуществляется при участии или с согласия самой жертвы» [2, с. 128]. Поэтому мифы созидательны (даже, когда рисуют образы смерти, войны, противостояния), а мифологемы разрушительны (даже, когда свидетельствуют о развитии и проявлениях жизни). Фактически, мифологемы переводят осознанные ранее реальные вещи, рациональное, на «язык бессознательного», создавая из них псевдореальность. И если мифы синкретичны, то мифологемы тотальны, ведь только тотальным проникновением во все сферы социального бытия, находящегося в состоянии сингулярности, можно связать социум в

некоторое подобие целого: мифологемы выполняют роль «вяжущего вещества», идейного «полимера», скрепляющего отдельные фрагменты социума как сингулярности.

Главное же отличие мифологемы от традиционного мифа в том, что, мифологема не связана с реальностью и никак не отражает реальность; мифологема связана с самой собой и подобными мифологемами. Или, словами Л.Ж. Нанси, миф (как мифологема) «отрезан от своего собственного смысла своим собственным смыслом» [10, с. 102], «миф означает сам себя и конвертирует свой собственный вымысел...» [10, с. 105]. Отношение современной социальной мифологемы к традиционному мифу – как отношение искусственно созданного объекта к естественному объекту или как отношения реального спортивного состязания и компьютерной игры.

Наиболее значимые и влиятельные мифологемы общества постмодерна, трансформировавшиеся в тоталитарные идеи: «демократия», «права и свободы человека», «толерантность». Так, уже Ж. Бодрийяр, отмечал, что признак современности – тотальное навязывание идеи демократии как основной мифологемы западного мира, приводящее к «безудержной эскалации демократичности ценой инфляции ее установок и бесконечной спекуляции на ее идеях» [2, с. 124]. Л.Ж. Нанси утверждает, что понятие «тоталитаризм» не стоит ассоциировать только с коммунистическим СССР или нацистской Германией; в тоталитарные могут преобразовываться любые современные сообщества, как и любые идеи, курсирующие в этих сообществах. Суть не в отдельных идеях или социальных средах; тоталитарность – «в целом горизонт нашего времени, в который вписаны и все демократии с их хрупкими юридическими парашютами» [10, с. 26]. Ален Бадью подчеркивает, что в современном мире демократия стала неким фетишем: «в наши дни быть демократом до сентиментальности обязательно» [1, с. 7] и «требуется храбрость отправиться по ту сторону демократического фетиша, такого, как мы его знаем» [1, с. 2].

Речь идет, конечно, вовсе не о том, чтобы отвергнуть саму идею демократии; следует согласиться с тем же Нанси, что пока ее нечем заменить, и даже просто критика демократии может способствовать «рisku уничтожения, чистой экспроприации и ничем не сдерживаемой эксплуатации» [9, с. 91]. Речь о том, что тоталитаризация идеи демократии обесценивает смысл самой идеи, уничтожая демократию на корню. То же самое происходит с идеями «прав и свобод личности», «толерантности», с любыми идеями, трансформировавшимися в мифологемы и претендующими на тотальность.

Подведем итог сказанному. Основные условия отчуждения от реальности в современном постмодерновом социальном пространстве – сингулярность бытия и транспарентность сознания. Посредством этого происходит панмифологизация действительности, выражающаяся в вирусном распространении мифологем как тоталитарных идей, как аксиом, не нуждающихся в доказательствах, но определяющих доказательства любых знаков реальности, производных от них, а значит, и собственно, реальности.

Список литературы:

1. Бадью А. Порнография настоящего [Электронный ресурс] // Tumblr [сайт]. 11 July 2013. URL: <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com> (дата обращения: 18.04.2014).
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Mots de passe. D'un fragment l'autre. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет; 2000.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] // «Живой Журнал» Exsistencia.livejournal.com [блог]. 21 декабря 2012. URL: <http://exsistencia.livejournal.com/9726.html> (дата обращения 18.04.2014)
5. Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998.

6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

7. Деррида Ж. Письмо и различие / Пер. с фр. под ред. В. Лапицкого. СПб.: Академический проект, 2000.

8. Лиотар Ж. Состояние постмодерна / Пер. Шматко Н.А. СПб.: Алетейя. 1998.

9. Нанси Ж.Л. О событии // *Философия Мартина Хайдеггера и современность*. М.: Наука, 1991. С. 91-100.

10. Нанси Ж.Л. Не производимое сообщество. М.: Водолей, 2009.

11. Тойнби А. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.

12. Baudrillard J. *Simulacres et Simulation*. P.: Galilée, 1981.

13. Nancy. J.-L. *The Inoperative Community*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991.

Сведения об авторе:

Пилюгина Елена Владимировна – кандидат философских наук, директор представительства Российского нового университета (Москва); доцент кафедры общеобразовательных и гуманитарных дисциплин Железногорского филиала Московского психолого-социального института; докторант Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия).

Data about the author:

Pilyugina Elena Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Director of Representation, the Russian New University (Moscow); Associate Professor of General Education and Humanitarian Disciplines Department, Zheleznogorsk Branch of the Moscow Psychological-Social Institute; doctorate of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia).

E-mail: elenavpilugina@yandex.ru.